

A movie poster for the film 'Domar'. The background is a dark, atmospheric scene of a ruined gothic cathedral with skeletal remains visible in the sky. In the foreground, a woman on the left wears a blue uniform and has a green cybernetic eye. A man on the right, wearing a brown leather jacket, holds a sword with a glowing blade. The title 'Аглая Райнис' is at the top, and 'Домарь.' is in the center, with the tagline 'В шаге от свободы' at the bottom.

Аглая Райнис

Домарь.

В шаге от свободы

Аглая Райнис

Домарь. В шаге от свободы.

«Автор»

2026

Райнис А.

Домарь. В шаге от свободы. / А. Райнис — «Автор», 2026

В мире, где дома дышат, а оружие помнит прошлые жизни, Протокол Стерильности превыше всего. Остов — хребет древнего Титана, где города выращены в питомниках из плоти и хитина чудовищ. Эти живые здания нуждаются в уходе, болеют и угасают. Иероним Вэн — циничный домарь, исцеляющий стены элитных особняков. В его карманах — долги, а на поясе — разумный костяной кинжал, безгранично верный и готовый отдать жизнь за свою семью. Рутинный вызов оборачивается катастрофой. Роскошный дом бьется в лихорадке, из глубин конструкций раздается сводящее с ума пение, а стены проросли смертельной опухолью. На объект прибывает инспектор Санитарного Надзора Ливия Корд — безжалостный ликвидатор со стеклянными протезами вместо глаза и руки. Квартал закрывают на карантин. Иероним заперт в доме вместе с суровым инспектором, а дом начинает сходить с ума. Но самое страшное домарь понимает слишком поздно: живые города — это не просто биомасса. Это заснувшие боги. И кто-то пытается их разбудить.

© Райнис А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Функциональный сбой. Глава 1 Дыхание чужой жизни	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Аглая Райнис

Домарь. В шаге от свободы.

Часть 1. Функциональный сбой.

Глава 1 Дыхание чужой жизни

*«...И было слово Первого Хирурга, и сшил Он плоть, и скрепил
Хребет
узлами вечного симбиоза. И заповедал Он: содержите обиталища
свои в чистоте, ибо
если замолчит сердце дома твоего, бездна Глубоких Позвонков
пожрет тебя».*
<i>(Из «Заповедей Стерильности», свиток третий)</i></i></o:p></o:p>

Иероним

Если ваш дом начинает кашлять, не надо сразу вызывать инспекторов из Санитарного Надзора. Первым нормальные люди обычно зовут меня.

Иероним Вэн, лицензированный домарь третьего разряда. Я лечу стены, чищу питающие дом артерии и бережно зашиваю порванные мышечные волокна ваших гостиных. Работа грязная, пахнет железом и кислым раствором, но платят за нее регулярно. Точнее, платили бы, если бы аристократы из Верхней Хорды не имели привычки «забывать» кошельки в своих шелковых кафтанах, когда дело доходит до расчета.

— Иероним, сколько ты можешь меня держать в темноте? Я хочу прогуляться. Если ты сейчас же не достанешь меня, я укушу тебя через штаны, — «заныл» мне в мысли клинок, висевший на поясе

— Заткнись, Жнец, — негромко бросил я, поправляя воротник поношенного кожаного плаща. — Мы идем на объект. Там богатый дом, наверняка придется менять изношенные костяные накладки и срезать старые хрящевые стяжки. Работы для тебя будет много, вот и прогуляешься заодно.

— Тьфу, опять чужие засоры прочищать, — проворчал Жнец. — Я боевой стилет, вообще-то. Во мне полтора ребра * закаленной кости черного ящера, меня создавали для честных поединков и великих свершений! А ты мной ковыряешь перекошенные косяки и срезаешь старые фасадные чешуйки. Позор!

Я не стал отвечать, лишь ладонью прижал рукоять к бедру, деликатно напоминая клинку, кто здесь главный. Маленький прожорливый мерзавец. Вообще-то, по приказу Высшего Синедриона, разумное оружие полагалось сдавать в утилизационные печи Санитарного Надзора сразу после списания. Но пять лет назад, когда моя жизнь пошла прахом, весь мир от меня отвернулся, а я оказался выброшенным на самое дно трущоб Нижних Позвонков, этот кусок закаленной кости реликтового ящера оказался единственным, кто остался рядом. Жнец не просто висел у меня на поясе — он буквально вытащил меня из петли, а потом раз за разом заставлял просыпаться по утрам, изводя своим невыносимым, язвительным ворчанием.

Нет, мой Жнец не мог разговаривать как человек, но он умел «громко думать». Его общение со мной — это глубокая ментальная связь. Когда я сжимаю его теплую рукоять, нервные окончания его лезвия находят контакт с моей нервной системой. И тогда я слышу его голос у себя в голове, примерно, как чужие, ворчливые, голодные или испуганные мысли.

Кроме этого, когда Жнец «громко думает», злится или паникует, его лезвие начинает вибрировать и посылать световые импульсы, по интенсивности которых отлично можно понять, в каком он сейчас настроении.

Наша жизнь состояла из бесконечных споров, мелких ссор и взаимных подтруниваний. Жнец обладал на удивление скверным и вредным характером. Стоило мне в сердцах обзвать его ржавой костью, как он тут же обижался и начинал мелко пакостить. Он мог посреди ночи начать монотонно вибрировать в ножнах, мешая мне спать, или пускал волну холода по рукояти прямо в бедро во время серьезных разговоров с заказчиками, заставляя меня нелепо подпрыгивать. А на прошлой неделе он и вовсе заклинил фиксатор ножен в самый неподходящий момент, когда на нас в темном переулке напал бродячий пес-хрящевик. Мне пришлось отбиваться от твари кулаками, пока клинок изнутри издевательски хихикал, транслируя мне в мысли свои эмоции.

Мы ругались по сто раз на дню, но я знал: за всей этой вредностью и кровожадной бравадой скрывалась глубинная, абсолютная преданность. В самые жуткие ночи, когда меня накрывали призраки прошлого, Жнец замолкал, переставал язвить и просто согревал мою ладонь мягким, живым теплом.

Он помнил времена, когда такое оружие умело не просто колоть. Оно могло менять структуру чужой плоти на расстоянии. Об этой части своей истории он помалкивал, но я-то знал: в его костяном сердце дремлет первобытная, запретная магия. Та самая, которую Синедрион мечтает уничтожить больше всего на свете. И если этот маленький прохвост однажды решит встать на мою защиту и покажет свою полную силу, Хребет содрогнется.

Но за верность и силу приходилось платить заботой. Жнеца периодически требовалось кормить, поэтому раз в три дня я устраивал ему настоящую баню. Я сам готовил концентрированный, тягучий экстракт из костной муки и отборных хрящей, которые покупал у мясников в Нижних Позвонках. Питательный экстракт я заливал в узкий кожаный чехол и погружал туда клинок по самую рукоять. Жнец, сыто и благодарно урча, засыпал на несколько часов, жадно впитывая теплое варево через микроскопические каналы на кромке лезвия. Если пропустить процедуру, лезвие покрывалось сухими белыми чешуйками, а сам клинок становился вялым и поскрипывал во сне от слабости. Сегодня он был сыт, бодр и рвался в бой, но мы шли на самый обычный, скучный рабочий выезд. По крайней мере, я так думал.

Мы как раз подошли к особняку советника Блана. Элитный район. Здесь, на Верхней Хорде Остова — гигантского хребта древнего Титана, на котором стояла вся наша Империя, — дома были белоснежными, гладкими и отполированными до блеска. Никакой грязи, никакого Тумана. Туман маслянистой серой жижей колыхался далеко внизу, у Позвонков, где ютилась нищета. А здесь пахло дорогими благовониями и густым меловым соком, которым богачи поили свои дома. Этот сок выделяли огромные дойные раковины, которых разводили в подземных питомниках Синедриона. Если регулярно втирать меловой сок в поры стен, обшивка дома становилась гладкой и приобретала благородный нежно-розовый оттенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.